

Блинова, Е. Е. Социокультурные факторы кризиса этнической идентичности мигрантов из Украины [Текст] / Е. Е. Блинова // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности : Сб. науч. статей III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Владивосток, 10-13 июля 2013 г.) / Под ред. Р. В. Кадырова. – Владивосток : Морской государственный университет, 2014. – С. 100-107.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ КРИЗИСА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МИГРАНТОВ ИЗ УКРАИНЫ

Блинова Е.Е., Херсонский государственный университет

В статье рассматриваются факторы и особенности трансформации этнической идентичности мигрантов в инокультурном окружении. Этническая идентичность определяется через отнесение себя к определенному этническому сообществу, через психологическое «мы-чувство», осознание единства и отличия от «других» этнических образований. В структуре этнической идентичности выделяют когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, связанные с осознанием себя членом этнической группы, отношением к этому членству, построением стратегии поведения в ситуациях взаимодействия с представителями другой этнической среды.

***Ключевые слова:** миграция, этническая идентичность, этнокультурная идентичность, трансформация этнической идентичности.*

Blynova O. E. Sociocultural factors crisis the ethnic identity of migrants from Ukraine.

The article discusses the factors and characteristics of transformation of ethnic identity of migrants in foreign cultural environment. Ethnic identity is defined by the assignment to a certain ethnic community, through the psychological "we-feeling", the awareness of the unity and differences from the "other" ethnic entities. The structure of ethnic identity isolated cognitive, emotional and behavioral components related to the knowledge being a member of an ethnic group, the attitude to this membership, building a strategy of behavior in interaction with the representatives of other ethnic backgrounds.

Key words: migration, ethnic identity, ethno-cultural identity, transformation of ethnic identity.

Миграционные процессы всегда выступали важным фактором расширения контактов с представителями других стран, этносов, наций, религий и т.п.

Современная масштабная миграция приводит к тому, что огромные массы людей оказались в «промежутке» культурного бытия, усложняющего самоидентификацию человека на психологическом, социальном, виртуальном уровнях. В контексте проблемы этнической идентификации мигрантов из Украины, считаем, что понятие «этнический», «этнонациональный», «этносоциальный», «этнокультурный», являются в определенной степени взаимопереплетенными, поэтому мы принимаем во внимание самоопределение человека или осознание собственной принадлежности к определенной этнической группе, своеобразное «мы-чувство».

Этнические сообщества занимают важное место среди многих социальных категорий – социальных классов, профессий, социальных ролей, религиозной принадлежности, политических вкусов и т.п. «Было бы преувеличением считать, что в жизни человека вопросы, связанные с принадлежностью к этническому сообществу являются центральными. Для большинства людей более важными оказываются проблемы повседневной жизни – работа, зарплата, воспитание детей, проведение свободного времени. Но не следует игнорировать и психологические проблемы, связанные с групповым членством. В жизни человека – и целого сообщества – возможны ситуации, когда ответ на простой вопрос «Кто Я?» («Кто Мы?») становится существенной проблемой» [6, с.114].

Проблемы этнической идентификации человека рассматривали украинские ученые М.И. Боришевский, В.А. Васютинский, В.Б. Евтух, Л.Э. Орбан-Лембрик, М.И. Пирен и др. Этническая идентичность – это, прежде всего, результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная мера отождествления себя с ним и отделение от других этносов. Это понимание предложил Г.Г. Шпет, рассматривающий этническую идентичность как переживание своей тождественности с одним этническим сообществом и отделение от других [8]. По мнению Г.У. Солдатовой, особенностью этнической идентичности является

мифологичность, поскольку «ее главная опора – идея или миф об общей культуре, происхождении, истории» [5, с.48].

В структуре этнической идентичности, как и в структуре других видов идентичности, выделяют когнитивный компонент (знание, представление об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков), эмоциональный (оценка качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства), поведенческий компонент, понимая его как реальный механизм не только осознания, но и выявления себя в качестве члена определенной этнической группы, «построение системы отношений и действий в разных этноконтактных ситуациях» [3]. Отношение к собственному этническому сообществу проявляется в этнических аттитюдах. Позитивные аттитюды определяются удовлетворенностью членством в этническом сообществе, желанием принадлежать к нему, гордостью за достижения своего народа. Негативные аттитюды к собственному этническому сообществу отрицают собственную этническую идентичность, вызывают чувство приниженности, выбор других групп в качестве референтных. По мнению Г.У. Солдатовой, наличие аффективного компонента приводит к поляризации этнической идентичности: на одном полюсе находятся этноцентризм, этнодоминирование, этнофанатизм, национализм, на другом – этнонегативизм, этноэлиминация, этнонигилизм [5].

Другие исследователи предлагают схожие диапазоны этнической идентичности от «нормы» до кризисных вариантов. Л.И. Науменко описывает широкий диапазон «проявлений чувств этничности» от глубокого этнического принятия до нигилизма. Исследователь выделяет такие типы этнической идентичности как «целостная», «альтернативная», «двойная или множественная» и «утраченная» [4, с.84]. По данным Лебкинд (Liebkind K.), к структуре этнической идентичности относятся такие компоненты, как 1) самоидентификация или самокатегоризация личностью себя как члена этнической группы; 2) ощущение принадлежности к этнической группе и связи

с ней; 3) позитивное или негативное отношение к данной этнической группе; 4) чувство общности аттитюдов, ценностей, этнических традиций и практик, таких как язык, поведение, обряды и т.п.

Исследования многих ученых показали динамичность этнической идентичности в зависимости от социально-политической ситуации, социальной напряженности, конфликтности, возможности социальной мобильности, участия во власти, от местожительства, продолжительности жизни в тех или других этнических обстоятельствах, социальной среды общения. Л.М. Дробижева подчеркивает, что этническая идентичность актуализируется в сложных этноконфликтных ситуациях [3]. Т.Г. Стефаненко настаивает на том, что этническую идентичность индивида нужно рассматривать не только с точки зрения осознания принадлежности к этносу, а и как категорию, которая находится на стыке индивида и ситуации в наиболее широком понимании слова [6]. Г.Ф. Габдрахманова, например, отмечает, что самоидентификация мигрантов представляет собой подвижную, сменную групповую принадлежность в зависимости от контекста и ситуации («этнический дрейф») [2].

Итак, когда мигранты прибывают в страну пребывания, они сталкиваются с другой культурой, другими правилами, нормами, ценностями, обычаями, с другим этносом, поэтому дальнейший научный анализ разворачивается в плоскости межгрупповых отношений, а именно межэтнических отношений, межэтнического восприятия, межэтнического оценивания.

Изложение основного материала исследования. Ситуация межэтнического общения дает индивиду больше возможностей для приобретения знаний об особенностях своей и других этнических групп, содействует развитию межэтнического понимания и формированию коммуникативных привычек. Отсутствие опыта межэтнического общения обуславливает, с одной стороны, меньшую склонность к таким контактам, а с другой стороны, меньший интерес к собственной этничности [6]. Это дает

основания предположить, во-первых, увеличение значимости этнической идентичности у мигрантов, которые находятся в культурной среде, которая в значительной степени отличается от украинской культуры, во-вторых, при таких условиях степень ее трансформации будет выше. Кроме того, российские исследователи указывают на то, этническая идентичность более четко осознается, а знание об отличиях между группами раньше приобретаются, в зависимости от того, к какой группе принадлежит человек – к группе большинства или группе меньшинства.

Полученные закономерности представляют возможность сделать определенное предположение об особенностях трансформации этнической идентичности украинских мигрантов в иноэтнической среде – поскольку мигранты (по определению) относятся к группе меньшинства, они неизбежно окажутся осведомленными о доминантной культуре, как через средства массовой коммуникации, так и через личные контакты, в то время как представители титульной нации вообще могут не иметь информации об Украине (наши дальнейшие исследования показали, что информация об Украине и украинцах является неполной, ограниченной и искаженной).

Нужно также заметить, что даже если члены группы меньшинств знают об отличиях между двумя народами и культурами, то это не означает, что они будут отдавать предпочтение собственной группе. Стратегии поддержания социальной идентичности распространяются и на этническую идентичность. Наиболее естественным для человека является стремление сохранить или восстановить позитивную этническую идентичность, которая обеспечивает чувство психологической безопасности и стабильности. Для этого используется стратегия социального творчества (Г. Тэджфел, Дж. Тернер), которая проявляется в пересмотре критериев сравнения, в восстановлении субъективного благополучия с помощью выбора для сравнения еще менее успешных или еще более слабых групп. Украинцы за границей склонны сравнивать свое положение (условия жизни, уровень заработной платы,

социальный и профессиональный статус и т.п.) не с соответствующими показателями представителей титульной нации страны пребывания, а с другими мигрантскими группами.

При негативном межгрупповом сравнении члены групп меньшинства могут избрать и другую стратегию – принять правильную самоидентификацию вместе с негативной оценкой группы. В этом случае формируется негативная этническая идентичность, которая может сопровождаться чувством неполноценности, приниженности и даже стыда за представителей своего этноса (у украинских мигрантов, к сожалению, такие проявления можно наблюдать – желание не называть, например, при знакомстве с другим человеком, свое украинское происхождение, считая, что немцы, англичане и т.п. могут пренебрежительно относиться к Украине).

Но принимая негативную идентичность, человек может по-разному реагировать на негативные суждения о своем этносе, а потому, на негативный образ себя, что сложился у представителей доминантной группы. И в этом случае у него есть возможность избежать чувства неполноценности и сохранить высокую самооценку. Она может относить негативные суждения к другим членам своей группы, но не к себе, устанавливая психологическую границу между группой и собой – это доказывает преимущество индивидуализированных стратегий жизненного пути, то есть подчеркивание личностных способностей, настойчивости в достижении цели [1].

Таким образом, этническая идентичность человека, который попал в другую социокультурную среду, имеет тенденцию изменяться или трансформироваться. Для большинства индивидов характерна моноэтническая идентичность, которая совпадает с официальной этнопринадлежностью. При благоприятных социально-исторических условиях положительная этническая идентичность сопровождается патриотизмом, гордостью за достижения своего народа и его великих представителей, адекватно высокой самооценкой, чувством собственного достоинства и т.д.

Моноэтническая идентичность с чужой этнической группой (измененная этническая идентичность) возможна в случаях, когда в полиэтничном обществе чужая группа оценивается как такая, что имеет более высокий экономический и социальный статус. Результатом идентификации с чужой группой является полная ассимиляция, то есть принятие ее традиций, ценностей, норм языка и т.д. вплоть до – при условии принятия индивида группой – полного «растворения» в ней. Такая стратегия возможна для украинских трудовых эмигрантов, которые работают в высокоразвитых странах (например, в Германии); стремление к даже языковой ассимиляции украинских эмигрантов отображает стратегию индивидуальной мобильности, желание интегрироваться в доминантную группу и таким образом приобрести позитивную социальную идентичность.

При формировании этнической идентичности человек может опираться на гражданскую идентичность. Или причислять себя к широким национальным сообществам – европейцам, гражданам мира, то есть декларировать космополитическую идентичность. Однако, как указывал еще Э. Эрикссон, вытеснение из структуры социальной идентичности одной из самых важных составляющих частей – этнической идентичности – грозит, с одной стороны, потерей целостности Я-образа, а с другой стороны – потерей связей с любой культурой, которая проявляется в чувстве «я – никто», невидимости, безименности, безликости [9].

Г.У. Солдатова указывает на три вида трансформации этнической идентичности:

1) Этническая идентичность может размываться, что выражается в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности.

2) Возможен отказ от собственной этнической группы и поиски устойчивой социально-психологической ниши, выделенной не по этническому критерию.

3) Этническая идентичность может гиперболизироваться, и в контексте межэтнических отношений иметь дискриминационные формы [5, с.103].

Методика. В эмпирическом исследовании приняли участие 87 мигрантов, выборку составили украинские граждане, имеющие личный опыт трудоустройства за границей. Всего было опрошено 45 мужчин (51,7% от всех опрошенных) и 42 женщины (48,3%). Опрос проводился в Херсонской области. По национальности (по самоопределению): 74,7% отнесли себя к «украинцам», 25,3%, – к «россиянам».

Этническую идентичность мы определяли разными способами для получения более достоверного объективного показателя:

1) на основе метода свободного описания, в котором мигранту было предложено назвать пять характеристик «типичного украинца», эмпирическим показателем было избрано количество позитивных характеристик. На наш взгляд, этот показатель отображает валентность этнической идентичности.

2) на основе теста Куна-Макпартленда, который исследует особенности самокатегоризации человека, эмпирическим показателем избран ранг этнической принадлежности, этот показатель отражает актуальность этнической идентичности. Нами использован принцип «интраиндивидуального» сравнения категорий – этническая принадлежность анализировалась с точки зрения ее наличия-отсутствия у респондентов, частоты, с которой она проявляется, места среди других категорий. Для получения показателя ранга «этничности» в перечне других категорий самоопределения мы использовали «обратную» (зеркальную) шкалу, то есть чем ближе была категория, обозначающая «этничность», к началу ряда, тем более высоким является ранг (например, если респондент на первом месте указывал – «украинец», то такой ответ получал 10 баллов, если на втором месте – 9 баллов и т.п.).

3) на основе шкалы социальной дистанции Э. Богардуса, адаптированной Н.В. Паниной, эмпирическим показателем является «социальная дистанция»,

которую избирает респондент относительно «украинцев» (чем ниже показатель социальной дистанции, тем выше степень украинской этнической идентичности). 1 балл – согласен принять в качестве члена семьи; 2 балла – как близких друзей; 3 балла – как соседей; 4 балла – коллег по работе; 5 баллов – жителей страны; 6 баллов – туристов; 7 баллов – вообще не допустил бы в страну. Таким образом, 1 балл – это максимальная национальная толерантность, 7 баллов – национальная нетерпимость (ксенофобия).

Результаты. Статистическую достоверность сопоставления и объединения этих показателей проверено с помощью коэффициента корреляции Пирсона. Между показателем «социальная дистанция относительно «украинцев», что отражает этническую идентичность (вероятно, в этом контексте – актуальность и положительную валентность) и показателем «количество положительных характеристик «типичного украинца», который тоже свидетельствует о валентности этнической идентичности, получено статистически значимую корреляционную связь ($r = -0,420$; $p \leq 0,01$), что доказывает возможность использования обеих методических процедур для определения этнической идентичности испытуемых. Также выявлено статистически значимую корреляционную связь между показателями «социальная дистанция относительно «украинцев»» и «ранг этнической принадлежности» (актуальность этнической идентичности) ($r = -0,431$; $p \leq 0,01$).

Интересно отсутствие корреляционной связи между показателями «количество позитивных характеристик «типичного украинца» (валентность этнической идентичности) и «ранг этнической принадлежности» (актуальность этнической идентичности), этот факт дает возможность предположить, что актуальность этнической идентичности мигранта в другой этнической и культурной среде возрастает, мигрант должен острее ощущать свою этническую принадлежность, свою непохожесть с окружающими людьми, культурные отличия. В такой ситуации валентность этнической идентичности совсем не обязательно остается позитивной, это зависит от результатов

сравнения своей украинской культуры (что понимается широко) и культуры страны, в которой находится мигрант. Если сравнение в пользу Украины, этническая идентичность может приобретать позитивные черты, а если в пользу страны пребывания, то существует вероятность обретения этнической идентичностью негативных черт.

Нами показано, что средний показатель социальной дистанции по шкале Э. Богардуса относительно «украинцев» по выборке мигрантов равен 1,21 балла, что полностью укладывается в границы «этнической идентичности», причем нет отличий между теми мигрантами, кто определил себя как «украинцев» и теми, кто определил себя как «россиян», мигранты в равной степени считают себя жителями Украины.

Проследим, каким образом изменяется актуальность и валентность этнической идентичности у людей, которые попадают в другую этническую и культурную среду, с этой целью сопоставим показатели этнической идентичности мигрантов и лиц, которые не имели опыта пребывания за границей. Данные показали, что актуальность этнической идентичности человека, который находится в иноэтнической среде, имеет тенденцию к увеличению, между группами существуют статистически значимые отличия ($F_{\text{эмп.}}=3,64$; $p \leq 0,01$). Кроме того, такая же тенденция наблюдается относительно среднего ранга категории «этничность» среди других категорий самоопределения человека – этническая принадлежность занимает более высокие позиции у мигрантов сравнительно с группой лиц, которые не имеют опыта пребывания за границей ($t=2,83$; $p \leq 0,05$). Однако, мы не наблюдаем увеличения у мигрантов количества позитивных характеристик в описании «типичного украинца», то есть уровень валентности этнической идентичности существенно не меняется.

Для получения показателя этнической толерантности мигрантов относительно других национальностей использована модифицированная шкала социальной дистанции Э. Богардуса в адаптации Н.В. Паниной. По мнению

автора, социальная дистанция является прямой психологической предпосылкой формирования определенного уровня национальной толерантности / нетолерантности. Числовое значение дает основания для определения уровня национальной толерантности: идентичность (1-2 балла); толерантность (2,1-4 балла); обособленность (4,1 – 5); изолированность (5,1 – 6); ксенофобия (6,1 – 7).

Для оценивания мигрантам было предложено определиться относительно четырех национальностей: украинцев, россиян, американцев, и представителей титульной нации страны пребывания. Отношение к «украинцам», на наш взгляд, дает дополнительную информацию относительно этнической идентичности респондентов, категория «россияне» и категория «американцы» предложены в связи с чрезвычайной важностью отношений с Россией и США с точки зрения сегодняшней социально-экономической ситуации в Украине, кроме того, каждый мигрант обозначал свое отношение к представителям страны пребывания.

Результаты показали, что индекс социальной дистанции относительно «украинцев» и «россиян» находится в пределах этнической идентичности (1,21 балла и 1,48 балла соответственно), отношение к «американцам» укладывается в границе «этнической толерантности» – среднее значение по выборке мигрантов составляет 2,87 балла, отношения к представителям титульной наций страны трудоустройства тоже находится в пределах этнической толерантности, даже показатель выше, чем относительно «американцев». Можно предположить, что сопоставление и объединение двух показателей «этнической идентичности» и «этнической толерантности» в их количественной представленности позволяет говорить об определенной стратегии аккультурации мигрантов.

Выводы. Все основные компоненты структуры этнической идентичности имеют тенденцию к изменению в зависимости от социального и этнокультурного контекста, к основным факторам изменения этнической

идентичности относятся: полиэтническая среда социализации, опыт межэтнического общения, степень отличия украинской культуры и культурной среды страны пребывания мигранта, принадлежность мигрантов к группе меньшинства. В качестве стратегии сохранения позитивной этнической идентичности возможно применение стратегий индивидуальной мобильности или социальной креативности, то есть изменения критериев межгруппового сравнения. Среди направлений трансформации этнической идентичности мигрантов в инокультурной среде нужно назвать: моноэтническую идентичность, биэтническую идентичность, маргинальную этническую идентичность, идентификацию с другой этнической группой. Также, вероятно, возможен вариант слабой, почти нулевой, этнической идентичности, то есть подчеркивание субъективной незначимости этнической принадлежности или отнесения себя к «космополитам».

Список литературы

1. Бичко О. В. Самоставлення та самооцінка в контексті трансформації етнічної ідентичності // Соціальна психологія. 2006. №1 (15). С. 103–110.
2. Габдрахманова Г. Ф. Этничность и миграция: становление исследовательских подходов в отечественной этносоциологии // Социс. 2007. №1. С. 116–122.
3. Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник. М. : Институт социологии РАН, 2008. Вип.7. С. 214–228.
4. Науменко Л. И. Этническая идентичность. Проблемы трансформации в постсоветский период // Этническая психология и общество: [Под ред. Н. М. Лебедевой]. М.: Старый сад, 1997. С. 88–96.
5. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Социокультурная адаптация и психологическое здоровье вынужденных мигрантов // Психологическая помощь мигрантам в России: исследования и практика; [Под ред. Г.У. Солдатовой и др.]. М.: Изд-во МГУ, 2003. С.14–53.
6. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология : Учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2008. 368 с.
7. Шлягина Е.И., Данзаева Э.У. Зависимость актуального этнопсихологического статуса личности от ее характерологических черт // Этническая психология и общество : [Под ред. Н. М. Лебедевой]. М.: Старый сад, 1997. С. 347–355.

8. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию // Психология социального бытия / Г. Г. Шпет. – М. : Институт практической психологии; Воронеж : МОДЭК, 1996. – С. 261–372.
9. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Эрик Эриксон : [Пер. с англ.; Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых]. М. : Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.